К 63.3
К 17
К-35934

ҚУЛТАЛАҚ КЁНЕКИ

КАЛЕНДАРЬ ГОДА

ИЗ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ КНИГИ

Семенова П.А.

Первые книги на чувашском языке и количественная характеристика изданий конца XIX - начала XX в.

Книга – одно из величайших достижений человечества, источник мудрости, знаний и духовного богатства, зеркало, отражающее цивилизованность нации. Без изучения истории книги, как рукописной, так и печатной, невозможно воссоздать объективную историю государства.

В энциклопедии книга определяется как "сложный объект", представляющий материально-конструктивную и художественную цельность»[1]. Исторической предпосылкой возникновения книги явилось создание и формирование письма, особенности которого в сочетании с различным писчим материалом и орудиями (инструментами) письма обусловили конструктивные особенности самой книги. На Руси распространение книги стало возможным после возникновения славянского письма, по времени относящемуся к IX в. и приписываемого просветителям Кириллу и Мефодию. Самая ранняя из сохранившихся русских датированных книг – Остромирово Евангелие 1056-1057 года.

Чувашская книга явилась зеркалом духовной жизни и уровня культуры, летописью чувашского народа. Она сыграла огромную роль в просвещении чувашей, развитии их языка и литературы, общественной и научной мысли. Однако изучение становления и развития чувашской книги долгие годы оставалось вне внимания исследователей, хотя существовало немало историко-языковых и историко-литературных работ. Только в последнее время проблемы развития чувашского книгопечатания стали предметом исследования немногих историков-краеведов. Особое внимание ученых привлекает роль чувашской книги в истории народа.

Таким образом, развитие чувашской книги конца XIX – начала XX века не являлось объектом специального исследования. Налицо противоречие между объективной потребностью исторического осмысления развития чувашской печатной книги в дореволюционный период и отсутствием комплексных системных исследований,

позволяющих составить целостное представление об этом культурно-просветительском феномене в его историческом развитии.

Книжное дело любого народа тесно связано со специфическими условиями его жизни, особенностями его материальной и духовной культуры. Кроме того, содержание книжной продукции отдельных народов может иметь свои особенности. При изучении истории чувашской книги, содержания книжной продукции чувашского народа, испытывавшего национальное угнетение, необходимо учитывать тот фактор, что национальное угнетение народа также отразилось на развитии чувашской книги, особенно на содержании издаваемой продукции. Также отрицательно на ее развитии сказалось и то, что она была "инородческой", т.е. нерусской и нехристианской. Поэтому развитие книжного дела следует рассматривать в контексте сложных процессов превращения России в многонациональное и поликонфессиональное государство, включившее в свой состав миллионы мусульман и язычников. Чувашская книга исторически развивалась под воздействием разнообразных политических, социально–экономических, этнодемографических, конфессиональных предпосылок и факторов.

Среди чувашей долго бытовала пословица: «Чувашскую книгу корова съела», означавшая, что чувашская книга беспрестанно преследовалась царскими чиновниками. И это было действительно так. Поэтому чуваши долго не могли иметь своей национальной книги. Следует подчеркнуть также, что в разные периоды истории Чувашии делались даже попытки утверждать, что у чувашей в XVIII-XIX вв. не было ни книг, ни письменности. Так, еще в середине прошлого века А.А.Фукс писала, что у чувашей письменности не существует, что "у сего народа не находится ничего, похожего на литературу: ибо они не имеют ни букв, ни преданий исторических"[2]. Другой исследователь чувашского быта В.А.Сбоев в известной своей книге[3] утверждает, что "у них не было и нет ни письменности, ни памятников древности".

Только в 1769 г. в Петербурге в типографии Академии наук выпускается книга "Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка". Это первая печатная чувашская грамматика, где представлена чувашская лексика (всего 1304 слова). Словарь этот – чувашско-русский - тоже первый в своем роде. Вся книга построена на материале верхового диалекта. Оценка этой грамматики с лингвистической стороны дана В.Г.Егоровым[4].

В 1788 г. чуваш Ермей Рожанский в Нижегородской духовной семинарии перевел на родной язык "Краткий катехизис...", увидевший свет в 1800 г. Художественные произведения Е.Рожанского – рассказ "Урмайские бунтари" (1769 г.), очерки "О чувашах", "О мордве" (1785г.) и др., являются правдивыми документами тех далеких времен.

Задолго до выхода "Букваря для чуваш" И.Я.Яковлева предпринимались попытки создания алфавита и составления букваря. Первый букварь на 12 страницах с гражданским и церковнославянским алфавитами увидел свет в 1804 г. вместе с чувашским переводом сокращенного катехизиса в Московской синодальной типографии. Он также составлен Ермеем Ивановичем Рожанским[5]. Эти первые книги положили начало письменно-литературному языку, и их, по нашему мнению, следует отнести к первым памятникам книгопечатания на чувашском языке.

В 1832 г. выходит из печати книга под названием "Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий катехизис на чувашском языке". В начале книги помещен "Букварь для обучения чтению по-чувашски" – "Хотла вирнянясьшин чуваш чильги бе" из 5 страниц, составленный профессором философии Казанской духовной семинарии протоиереем Виктором Петровичем Вишневским.

В конце 1836 г. в типографии Казанского университета была напечатана книга В.П.Вишневского "Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии". Это по существу вторая печатная грамматика чувашского языка, и она долгое время являлась единственным учебным пособием по чувашскому языку в духовных училищах и семинариях того времени. Как и в предыдущих памятниках письменности, материал книги почерпнут автором из говоров верхового диалекта. В 1853 г. в г.Казань издается книга С.М.Михайлова "Чувашские разговоры и сказки", которую принято считать первым чувашским светским изданием. Книга состоит из трех частей. В первой части дано краткое этнографическое описание чуваш, их песни (4), пословицы и приметы. Вторая часть называлась "Сборы на Болдран базар". В третьей части помещены рассказы, чувашские сказки, загадки и прибаутки. В типографии Казанского университета Николаем Ивановичем Золо гницким в 1867 г. опубликован третий букварь чувашского языка объемом 120 страниц под названием "Чуваш кнеге".

Как уже отмечалось выше, долгие годы разрешалось издавать в переводе на чувашский язык лишь религиозную литературу, смысл которой из-за буквального перевода искажался и был непонятен народу. Оригинальные чувашские книги начали доходить до населения лишь в последней трети XIX века благодаря неутомимой деятельности чувашского просветителя И.Я.Яковлева. Он сыграл роль Кирилла и Мефодия для чувашей: стал создателем новой чувашской письменности, организатором перевода и издания сельскохозяйственной, санитарно-гигиенической и художественной литературы. По его инициативе в 1908 г. в Симбирске в типографии А. и М. Дмитриевых печатается книга "Сказки и предания чуваш" – первый сборник оригинальных произведений чувашской художественной литературы.

В ноябре 1871 г. "Братство святителя Гурия" в г.Казань разрешило к печати небольшую книжку на чувашском языке – знаменитый "Букварь для чувашских детей" ("Тъваш адизине сырьва вьренмелли кнеге"), составленный И.Я.Яковлевым в объеме 56 страниц с разделами: 1) предисловие, 2) азбука, изложенная по звуковому способу, и примеры для упражнения в чтении, 3) краткие нравоучения, обращение к начинающему учиться грамоте, 4) молитвы и 5) приложение. В предисловии подчеркивается, что "Букварь предназначен к употреблению в чувашских школах как учебное руководство для чувашских детей и составлен согласно Правилам 26 марта 1870 г. о первоначальном обучении инородцев – пользоваться живыми наречиями инородцев как орудием для распространения христианского просвещения и обрусения их". В 1872 году алфавит был доработан, и в том же году были изданы новый чувашский букварь и перевод книги "Начальное учение православной христианской веры".

В 1873 г. И.Я.Яковлев снова усовершенствовал свой алфавит и издал "Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки"[6]. Просветительская деятельность И.Я.Яковлева привела к значительному увеличению выпуска книг на чувашском языке по сравнению с предыдущим периодом. Можно привести конкретные данные по количеству чувашских книг. Так, с 1800 по 1871 гг. на чувашском языке было издано всего лишь 20 книг, а после создания алфавита – в год по 14-15 книг[7]. Все они стали библиографической редкостью.

С.И. Данилов в 1950 г. составил библиографию чувашских изданий, где зарегистрирована основная часть чувашских книг,

вышедших в конце XVIII – начале XX вв[8]. Несмотря на неполноту отражения всех изданий, работа С.И.Данилова явилась первой специальной библиографией чувашских книг. Эта работа долгое время оставалась единственным справочником о чувашских изданиях дореволюционного периода. Правда, до издания книги С.И.Данилова в 20-е гг. XX в. чувашские книги были отражены в "Библиографическом указателе" В.Г.Егорова[9]. Этот указатель включал литературу не только на чувашском, но и на русском языке и охватывал довольно большой период времени: с 1758 по 1931 гг. До революции изучением литературы о чувашах занимался чувашский священник Ананий Иванов, опубликовавший библиографический указатель произведений печати о чувашах, охватывающий период с 1756 по 1906 г[10]. В предисловии к нему отмечается, что "русская литература о чувашах не богата. Она начинается с половины восемнадцатого столетия. Раньше этого времени мы не знаем ни одного исследования о чувашах". Наиболее полным перечнем чувашских книг, изданных с 1769 по 1917 гг., является опубликованный в прошлом году Государственным архивом печати Чувашской Республики второе, исправленное и дополненное издание библиографического указателя "Чувашская книга до 1917 г."[11]. Это издание ценно тем, что в нем приведены не только сведения о тираже многих чувашских изданий, а также место их хранения.

Хотя статистика чувашской дореволюционной книги полностью не известна, можно сказать, что за период с 1872 по 1917 гг. были изданы более 700 чувашских книг, в том числе: учебников и учебных пособий – 63 названия, церковно-богослужебных книг – 439, научно-популярных – 78, художественных – 55, социально-политический – 90. Общее же количество книг, связанных с чувашами, т.е. национальной книги, из числа выявленных составляет 1200.

Выпуск чувашских изданий за период с 1872 по 1917 гг. можно отобразить в виде таблицы[12]:

Годы	Количество названий книг	Годы	Количество названий книг
1872	5	1896	20
1873	6	1897	38
1874	9	1898	45
1875	11	1899	20
1876	7	1900	24

1877	7	1901	16
1878	3	1902	21
1879	9	1903	32
1880	5	1904	57
1881	7	1905	94
1882	11	1906	56
1883	6	1907	34
1884	10	1908	52
1885	6	1909	45
1886	9	1910	47
1887	9	1911	42
1888	10	1912	51
1889	7	1913	86
1890	15	1914	49
1891	17	1915	29
1862	14	1916	28
1893	22	1917	27
1894	35	Итого	1166
1895	13		

Печатание чувашских книг по типографиям выглядит так:

№№ п/п	Наименование печатных заведений	Количество изданных названий
	В типографиях Казани	
1	Центральная тип.	249
2	Университета	174
3	Без указания типографии	120
4	Ключникова В.М.	69
5	Тип. Губерн. правления	48
6	Гладышезой М.А.	24
7	Родионова А.А.	19
8	Ермолаевой И.В.	12
9	Петрова А.М.	12
10	Тилли К.А.	12
11	Вячеслава Г.М.	9
12	Гран Д.М.	7
13	Домбровского Б.Л.	7
14	Харитонова И.Н.	5
15	Коковиной	4

16	Чирковой М.А.	3
17	Тип. Казан. Биржевого Листка	2
18	Никитина А.И. и К°	2
19	Окунь И.С.	2
20	Люстрицкой О.П.	1
21	Черновой М.А.	1
22	Чижовой Н.М.	1
23	Скоропечатная Антонова Л.П.	1
	В типографиях Симбирска	
24	Токарева А.Т.	50
25	Без указания типографии	35
26	Дмитриевых А. и М.	24
27	Губерн. тип.	22
28	Сысоева Ф.И.	16
29	Хапкова И.С.	8
30	Балакирщикова А.П.	4
31	Сидневой и К°	1
32	Тип. Текстильщиков	1
33	Тип. «Семья и школа»	1
	В типографиях других городов	
34	Зубкова Г.П. в Козмодемьянске	91
35	Без указ. тип. в Козмодемьянске	15
36	Доброхотова Ф.Н. в Чебоксарах	10
37	Краснова М.А. в Алатыре	10
38	Тип. Уезд. Земства в Цивильске	9
39	Павлова Л.И. и К° в Ядрине	8
40	Фирсова С.П. и Осипова В.М. в с.Шоркино Ядринского уезда	6
41	Без указания тип. в Ядрине	5
42	Дублицково В.И. в Алатыре	4
43	Без указания тип. в СПБ	3
44	Печатная А.И.Снегиревой в Москве	1
45	Без указания тип. в Москве	1
46	Бурылина Д.Г. (м. изд. неизвестно)	1
47	Соловьева Ф.Г. и К° в Уфе	1
48	Без указнания тип. в Уфе	1
49	Смирнова В.Д. в СПБ	1
50	Печатня Яковлева С.П. в СПБ	1
51	Сысоева Ф.И. в Сенгилее	1
52	Ефимова И. в Москве	1

53	Панафидина А.Я. в Москве	1
54	Тип. ун-та в Москве	1
55	Кушнерев И.Н. и К° (м. изд. неизвестно)	1
56	Печатня Красовского в Вятке	1
57	Шпенцера Н. в Одессе	1
58	Куклина в Вятке	1
59	Поздняковой З.П. в Рязани	1
60	Губерн. тип. в Тобольске	1
61	Яблонского П.О. в СПБ	1
62	Балашева В.С. в СПБ	1
63	Без указания тип. в Алатыре	1
64	Филатова И.Ф. в Алатыре	1
65	Луковникова П.В. в СПБ	1
66	Без указания тип. в Чебоксарах	1
67	Без указания тип. в Оренбурге	1
68	Не уточненные (м. изд. нет, кн. не выявл.)	40
	Итого	1166

Как видно из таблицы, ведущее место в истории чувашского книгопечатания занимает Центральная типография г.Казань, где вышла одна четвертая всех чувашских книг, т.е. из общего числа чувашских книг, изданных в 1872-1917 гг., известны 249 книг. Значительное число чувашских книг издавалась и в типографии Университета. На третьем месте по количеству изданных книг следует типография Г.П.Зубкова, В.М.Ключникова, Типография Губернского правления А. и М.Дмитриевых, А.Т.Токарева.

От случая к случаю печатанием чувашских книг, кроме указанных выше крупных типографий, занимались частные заведения. Хотя и было издано в них не так уж много книг, однако сам факт говорит о том, что крупные типографии не были в состоянии удовлетворить спрос на печатание чувашских книг. Этим же объясняется печатание чувашских книг в русских типографиях Москвы, Петербурга, Оренбурга, Одессы, Вятки, Рязани и т.д.

Если в конце XIX и в начале XX века чувашские книги вынужденно печатались в чужих типографиях, то книгоиздательское дело в Чувашском крае после 1917 г. существенно меняется. Уже на начало 1920 г. издано 59 чувашских книг[13]. Только создание Чувашского книжного издательства (в 1920 г.) дало возможность резко увеличить выпуск книжной продукции на чувашском языке. Если в 1918 г. было опубликовано 17 названий книг тиражом 91 тыс. экз., то в 1923-1925 гг. – уже 178 названий общим тиражом 653 тыс. экз[14].

Библиография и примечания

[1] Книга: Энцикл. / Гл. ред. В.М.Жарков.– М.: Большая Рос. Энцикл., 1999.– С. 300.

[2] Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии.– Казань, 1840.– С. 137.

[3] Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии.– Казань, 1856.– С. 54

[4] Егоров В.Г. Чувашские словари XVIII века // Записки НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР.– Ч, 1949.– Вып. 2.– С. 111-142.

См. также: Сергеев Л.П. О памятниках чувашской письменности XVIII века // Учен. зап. ЧНИИ.– Чебоксары, 1969.– Вып. 46.– С. 231-232.

[5] Петров Н.П. Новая чувашская письменность // Çулталак кёнеки = Календарь года: 2001 / Нац. б-ка Чуваш. Респ.; Сост. Г.А. Быкова, Г.П.Соловьева, П.А.Семенова.– Чебоксары, 2000.– С. 163.

[6] Букварь И.Я.Яковлева до 1917 г. переиздан более 30 раз. Его же алфавит без каких-либо изменений просуществовал до 1933 г.

[7] Статистические данные приведены по: Павлов А.П. Чувашскому книжному издательству – 80 лет.– Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000.– С. 6.

[8] Чувашская книга до 1917 г. – Чгваш кмнеки: Библиография / Книжная палата Чувашской АССР; Сост. С.И.Данилов.– Чебоксары, 1950.– 95, [1] с.

[9] Егоров В.Г. Библиографический указатель литературы по чувашскому языку / Чуваш. науч.-исслед. ин-т.– Чебоксары, 1931.– 76 с.

[10] Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах, в связи с другими ино-родцами Среднего Поволжья, с 1756 по 1906 год: Прил. к XXIII т. "Известий Общества Археологии, Истории и этнографии" / Сост. А.Иванов.– Казань: Типо-литогр. ун-та, 1907.– 63 с.

[11] Чувашская книга до 1917 года: Ретросп. библиогр. указ. лит.- 2-е испр., доп., изд.- Чебоксары, 2001.- 201 с.

[12] Статистические данные приведены по: Чувашская книга до 1917 года: Ретросп. библиогр. указ. лит.- 2-е испр., доп., изд.- Чебоксары, 2001.- 201 с.

[13] См: Павлов А.П. Чуваш. кн. изд-ву – 80 лет.- С. 6.

[14] Статистические данные приведены по: Чувашскому книжному издательству – 80 лет.– Чебоксары, 2000.– С. 7.

Николаева Т.А.

Книги - отражение жизни души

Коллекция изданий Николая Дронникова в фондах Национальной библиотеки Чувашской Республики

В редких фондах Национальной библиотеки Чувашской Республики немало уникальных изданий, ценных книжных собраний. Одно из них – дарственные книги и книги с автографами, среди которых особо выделена коллекция изданий Николая Дронникова – русского художника, писателя и издателя, живущего во Франции, пригороде Иври Парижа. Необычные книги, альбомы, открытки подарены библиотеке в разные годы самим Дронниковым и нашим с ним общим другом народным поэтом Чувашии Геннадием Айги.

Знакомство Николая Егоровича с Национальной библиотекой началось в 1995 году именно с легкой руки Г.Айги. Поэт передал сборники своих стихов, изданные парижским другом, в дар сектору ценных и редких изданий (ЦРИ). Книги заинтересовали сотрудников библиотеки, готовивших библиографический указатель по творчеству Г.Айги. Завязалась переписка. Возникла идея организовать персональную выставку книг. Вслед за этим были получены 15 новых изданий. Среди них была знаменитая "Русский в Париже" [4]. Вечер, посвященный творчеству Н.Дронникова, состоявшийся в Национальной библиотеке в ноябре 1996 г., так и назывался: "Русский мастер в Париже". О художнике, его жизни и творчестве говорили Г.Айги, известный чувашский литературовед А.Хузангай и друзья Дронникова еще по московской студенческой жизни народный художник Республики Татарстан Н.Адыпов и художник В.Голубев (Санкт-Петербург). Заочное знакомство с мастером завершил показ видеоочерка режиссера В.Карссем (Корсаков).

Вечер был широко освещен в местной прессе [3,5,8,11]. Николай Егорович, получив материалы, незамедлительно откликнулся: "Радость от вечера... безмерна. Низкий поклон всем органи-

заторам, и дай Вам Бог счастья и здоровья! Как ни тяжко бывает, а теплое солнце Чувашии обогревает и вливает силы…".

С тех пор большие конверты со штемпелем Парижа приходят в Национальную библиотеку регулярно. Николай Егорович всегда интересуется ее деятельностью, жизнью города и республики, живо реагирует на все события, шлет поздравления с праздниками, присылает свои новые издания. Письма его, как и книги – необычны: с иллюстрациями автора, часто на открытках собственного издания, с вырезками из газет русской эмиграции. В архивном фонде сектора ЦРИ эти послания также занимают особое место, вместе с книгами экспонируются на выставках.

Октябрь 2000 года принес долгожданную встречу с Николаем Дронниковым на чувашской земле. К 70-летию мастера в Чувашском государственном художественном музее была организована большая выставка его работ, среди которых были и книги (33 наименования). Дронников приехал и окунулся в атмосферу любви и признания, которой окружила его Чувашия.

Позже, на одной из принесенных в подарок книг, Айги оставит свой автограф: "…а на Адале-Волге/ все так же/ чудное цветенье невиданной Осени-/ эти Дронниковские Дни в Шубашкаре…". [9, фронтиспис]

Вместе с Г.Айги Николай Егорович пришел и в Национальную библиотеку на встречу с представителями чувашской интеллигенции и, конечно, принес новые дары. Вообще, все привезенное и выставленное Николай Егорович тогда оставил чебоксарцам: картины – музею, книги – библиотеке. Великий жест большого мастера!

Так началось формирование собрания изданий Н.Дронникова в Национальной библиотеке Чувашской Республики.

Коллекция эта неоднородна и неординарна во всех отношениях и содержит уже более 60 изданий. Их трудно определить как традиционные книги и альбомы - очень уж они нестандартны. Специалисты пытались определить их как "жанр искусства: рукотворная Книга – Дронников, Парижъ" (А.Хузангай) [12, С.[22]], отмечали, что "жанр подобного явления, как книги Дронникова, с рисунками, стихами и краткими записями, остался открытым вопросом,… ведь подобные "отражения жизни души" могут определяться весьма условно" [11].

Может, по отношению к этому явлению стоит даже ввести термин "дронниковская книга"?

В чем же уникальность дронниковской книги? Той, которая своим появлением вдохновляет А.Хузангая на изящные литературоведческие (и отчасти книговедческие) эссе [12], служит предметом постоянного обсуждения и, увы, представляет немалую трудность для библиографического описания.

Берешь ее в руки – и сразу: необычные материалы для переплетов и суперобложек: ткань и фольга ("серебряные" книги - по Хузангаю), качественная мелованная бумага и простой картон. В одном издании листы могут быть разных цветов, размеров, иногда с нарочито неровно обрезанно-оборванными краями и из различного материала, например, из холста, кальки, разлинованных тетрадных листов. Книги есть и сшитые, и на разрозненных листах, в виде альбома, комплекта открыток или все это вместе в одном издании…

Уникальность каждого экземпляра невероятно возрастает за счет вкладных и вшитых–вклеенных листов с оригинальными работами автора, автографами и корректурами (обычно самого издателя и Г.Айги). Нередки в книгах страницы с ксерокопиями статей о Дронникове, писем к нему и его же рукой написанные объяснения.

Разнообразны форматы: от полуметровых альбомов до небольшой открытки. И, пожалуй, удивительнее всего - шрифты, которыми набраны тексты – частое их смешение по размеру и рисунку, что, впрочем, не мешает, а наоборот, настраивает на определенное прочтение текста, дополняет и по-своему выражает его [8].

Есть, правда, этому и прозаическое объяснение. Громко названное издательство Николая Егоровича поначалу было скромной личной мастерской ("скрипторий" – по Хузангаю) со списанным типографским оборудованием и набором разрозненных шрифтов. А "штат сотрудников" – иногда жена Аньес, помощник А.Корляков, чаще – сын Гриша. Поэтому и экземпляры всегда были – штучные. И до сих пор, хоть и создаются уже с помощью компьютера, но тоже – штучные. Тираж редко превышает 200, гораздо чаще – от 25 до 100 экземпляров. Каждый пронумерован самим издателем, порой даже раскрашен им лично [2,9 и др.]. Поистине каждая книга рукотворна, любовно и трогательно продумана и собрана своим создателем.

Коллекцию изданий Дронникова в фондах библиотеки условно можно разделить на несколько групп. Самая большая - это книги Г.Айги и о Г.Айги - более 15 наименований, но почти 40

экземпляров. В этом еще одна особенность дронниковской книги: издание может быть решено в самых разных вариантах. Например, "Поклон - пению" [1] издана как "книга (500 экз.), набор открыток (50 экз.) и альбом-папка с рисунками (35 экз.)". И, как уже говорилось, каждый экземпляр, имеющийся в фондах библиотеки, отмечен своими особенностями: автографами, факсимиле авторов, рисунками Дронникова, оригинальными и сделанными уже на готовой книге, и оттого на каждой – разные. О художественном оформлении книг Айги говорилось немало. Так журналист Андрей Лебедев задавался вопросом: "что такое эта книга – стихи, иллюстрированные портретами их создателя, или абрисы поэта, украшенные его стихами?" [7]. Как ответ на это звучит размышление поэта А.Мирзаева: "Портреты Айги, выполненные Николаем Дронниковым, - не иллюстрации к стихам, не графическое дополнение к ним. Эти удивительные рисунки правильнее было бы назвать стихопластическими композициями, в которые входят поэтические тексты, образуя то незримое, что делает [книгу] Абсолютной и Разумной..." [9, С.19].

Те же слова можно сказать обо всех рисунках Дронникова в его книгах, которые всегда больше, чем иллюстрация, но это уже область искусствоведов. Хотя невозможно не отметить еще три шедевра книжного искусства, подаренные нам художником. Это уникальные книги-портреты к 60-летию Г.Айги. В них всего один или два листа с оригиналами портретов поэта и рисунком его рук. Но эти листы вдвое больше альбомных, упакованы в тонкую папиросную бумагу, потом в обложку с такой непривычной для заграницы надписью по-чувашски "Айхи 60" и еще в черную (золотую внутри) глянцевую суперобложку с золотой шнуровкой. Каждая книга существует в единственном экземпляре - мечта любого библиофила!

Все издания этой группы вошли в подготовленный Национальной библиотекой библиографический указатель "Геннадий Айги", а также вместе с портретами и зарисовками мастера отражены в CDÿROM "Г.Айги. Поэзия тишины". Неоднократно книги экспонировались на библиотечных выставках: "Французский художник и чувашский поэт: грани творчества", "Айгиниана", "Из коллекции даров Г.Айги и Н.Дронникова", а также в экспозиции библиотеки в рамках межрегиональной выставки "Печатный двор Чувашии" в МТВ-центре как образцы полиграфического искусства.

Вторую по численности группу изданий данной коллекции составляют альбомы серии "Портреты современников". Это ско-

рее альбомы-книги. В них вместе (рядом, дополняя одно другое) с репродукциями картин, портретов, зарисовок и факсимиле писем, публикуются воспоминания, стихотворения, отрывки из книг и пр. Здесь - Александр Солженицын, Виктор Некрасов, Иосиф Бродский, Софья Губайдуллина, Булат Окуджава, Святослав Рихтер, Мстислав Ростропович, снова Геннадий Айги, Михаил Сеспель(!), Александр Пушкин и многие другие - избранные и такие, какими видит художник их самих и их творчество.

Особая группа изданий – "парижская". Это трилогия "Голгофа" ("Голодный псалом", "О Парижъ", "Каторга Парижа") [6,10] и наборы открыток серии "Клошары". Последние - рисунки-оригиналы, не тиражированные уникумы.

Последняя группа изданий - это проза самого Дронникова и книги о нем. "Русский в Париже", "У Шагала", "Статистика России 1907-1917: Записная книжка Николая Дронникова", литературные приложения к "Статистике" – в этих книгах с маленькими рассказами, воспоминаниями и размышлениями автора – его судьба, жизнь, позиция и вера. О нем и его творчестве рассказано в книгах "Семь дескрипций к образу русского мастера в Париже" А. Хузангая (2000 г.), "Николай Дронников: Каталог выставки, посвященной 70-летию со дня рождения художника" (2000), где есть главы "Художник о себе" и "Посвящения художнику". Последняя по времени выпуска книга из этой группы - "Русский подсолнух в Иври" Виталия Амурского (2002 г.), где рассказывается, кстати, и о пребывании Дронникова в Чебоксарах.

Эти совсем небольшие по объему книги, да два тоненьких каталога-проспекта на французском – все, что художник счел нужным сказать о себе. Скупые сведения, короткие и емкие строчки-послания, строго подобранные графические работы – во всем - скромность величия Мастера.

Коллекция изданий Николая Дронникова – предмет особой гордости Национальной библиотеки Чувашской Республики. Известно, что его книги-раритеты находятся в основном в частных коллекциях мира, лишь несколько экземпляров поступают в элитные книжные магазины, и поэтому недоступны широкому читателю. Пользователи же нашей библиотеки имеют исключительную возможность увидеть, познакомиться, исследовать эти уникальные книги в секторе ценных и редких изданий, чьи двери всегда распахнуты для ценителей книжного искусства.

Список литературы

1. Айги Г. Поклон пению: [Кн.1]: Тридцать шесть вариаций на темы чувашских и татарских народных песен: 1988-1991 / Г.Айги; Н.Дронников; Рис. Н.Дронников.- Париж: Н.Дронников, 1992.- 93 с.; 500 экз.

2. Айги Г. Поклон пению: [Кн.3]: Двадцать восемь вариаций на темы чувашских и удмуртских народных песен: 1999-2000: [Стихотворения]/ Г.Айги; Худ. Н.Дронников.- Париж: Дронников-Коновалов, 2000.- [36] л.: ил.; 35 экз.

3. Гордеева С. Русский мастер в Париже // Чаваш ен.- 1996.- № 45 (16-23 нояб.).

4. Дронников Н.Е. Русский в Париже: Портреты из серии "Советская игнтеллигенция в Париже" и рис. тушью из серии "Человек и действительность": Альбом графических набросков; Рассказы / Н.Дронников; Предисл. авт.- Париж: SUNTAXIS, 1980.- 61 с.: ил.

5. Иванов И. Николай Дронников чавашсене сывахланче// Хыпар.- 1996.- 26 сент.

6. Каторга Парижа: Русский подсолнух в Иври / В.Амурский; Рис. Н.Дронников. Графика / Н. Дронников.- Париж: [Изд. Н.Дронников] , 2002.- 29,[3] с., 20 отд. л. ил.

7. Лебедев А. Портрет поэта // Айги Г. Три стихотворения / Г.Айги.- Париж: [Изд. Н.Дронников], 1991.- С.[32].

8. Макшанова Е. "Русский в Париже" // Чебоксар. новости.- 1996.- 8 авг.

9. Мирзаев А. Музыка разговора влюбленных глухонемых: Стихотворения / Арсен Мирзаев; Графика Н.Дронников.- Париж: Дронников-Коновалов, 2001.- 20 л. + [12] л. прил.

10. "О Париж": [Т.1] / С. Потоцкий; Худ. Н.Дронников.- Париж: [Изд. Н.Дронникова], 2002.- [19] с.

11. Р.К. Николай Дронников: Как мы остались людьми // Республика.-1996.- 10-14 ноября (№ 43).

12. Хузангай П. Семь дискрипций к образу русского мастера в Париже / Атнер Хузангай; Рис. Н.Дронников.- Париж: Дронников-Коновалов, 2000.- [28] с., 11 л. ил.; 50 экз.

Андрюшкина М.В.

Нравственный реализм семантики чувашской сказки

Сказка - это художественно-фантастическое повествование об отдельных эпизодах поведения героев, ибо оно по форме серьезно отличается от научно-объективного описания причинно-следственных связей, определяющих поведение человека в многогранной жизни общества. Сказка как художественное произведение доставляет эстетическое удовольствие читателям. Но кроме него, в сказке есть и другое содержание – прагматическая ценность. Человек это может не осознавать, но подсознательно воспринимает нравственную идею, выраженную при помощи сказочной символики. Поэтому сказку необходимо рассматривать в двух аспектах: как художественное произведение, способное доставлять эстетическое удовольствие читателям, и как нравственно-прагматическую ценность.

С одной стороны, сказка представляет реальную нравственную проблематику в форме нереального повествования. В ней жизненные проблемы часто решаются нереальными, магическими средствами. С другой стороны, в ирреальном повествовании в символической форме выражены реальные нравственные замыслы и желания человека, его моральные переживания. Так, например, в ирреальном возможно мистическое воскресение человека, чудесное исцеление. В сказке невозможная удача (поступок), безвыходное положение разрешается героем при помощи волшебной силы, а в реальной жизни такие задачи, проблемы решаются с помощью использования естественных причинно-следственных связей. Таким образом, сказка представляет собой своеобразный двойственный феномен: в ней художественно-фантастическая форма описания героев естественно совмещена с отражением реальных проблем нравственности.

Органически вливаясь в фольклор, сказка выделяется своими жанровыми особенностями. Она имеет широкое распространение. Ее знали все культурные архаические народы, начиная от древнего Китая и заканчивая античностью. У каждого народа наряду с национальными сюжетами бытуют и интернациональные. Распространенность интернациональных сказочных сюжетов, типов и персонажей объясняется тем, что в творчестве различных народов дей-

ствуют общие законы - они развиваются сходными путями соответственно ступеням общественного развития. На сходных этапах развития возникают и сходные сказочные сюжеты. Они переходят от одного народа к другому, сохраняя международную основу и одновременно принимая национально-своеобразную форму. В.Г.Белинский, анализируя природу заимствований сказки, отмечал: "Русский человек, выслушав от татарина сказку, рассказывал ее потом совершенно по-русски, так что из его уст она выходила запечатленною русскими понятиями, русским взглядом на вещи и русскими выражениями"[1]. То есть в национальной сказке выражается национальное художественное видение мира. Оно проявляется в конкретном содержании сказок, в характере их бытования, в их форме. В них находит отражение мир, в котором живет народ, их создавший.

Чувашский народ имеет свою индивидуальную историю, с присущими ей оригинальными, неповторимыми чертами. В течение многих веков формировалась самобытная духовно-нравственная культура чуваш, обладающая особенными чертами, делающими ее привлекательной как для науки, так и для современной культуры, с ее тенденцией к сохранению всего лучшего в наследии прошлого. Чувашский фольклор, являющийся органичной частью духовно-нравственной жизни чуваш, обладает полным набором культурных явлений, системой представлений о мире и месте человека в нем. Национальные ценности заключают в себе не только то, что было и есть, но и то, что будет. Поэтому, развивая национальную культуру, народ заботится о дальнейшем развитии своей духовной жизни.

Национальное впитывает в себя то ценное, что создано и создается творческими силами данной нации в соответствии с объективными условиями, этнопсихологическими, региональными и другими особенностями. Каждая национальная культура по своему содержанию уникальна и неповторима и является частью мировой цивилизации. Еще В.Г.Белинский подчеркивал, что "человеческое... приходит к народу не извне, а из него же самого и всегда проявляется в нем национально. Давайте детям больше и больше созерцания общего, человеческого и мирового, но преимущественно старайтесь знакомить их с этим через национальные явления"[2]. Эта же мысль содержится и в трудах великого чувашского просветителя И.Я.Яковлева, который предлагал приобщать подрастающее поколение чуваш к общечеловеческой культуре через национальное, прежде всего через обучение чувашскому языку.

Народная сказка, в том числе и чувашская, демонстрирует личные качества героев главным образом посредством поступков, которые раскрывают все богатство человеческой природы, и выявляют нравственные ценности, реализуемые сказочным персонажем. О поступке же судить абстрактно нельзя. Его необходимо рассматривать в контексте той ситуации, в которой он совершен.

Главные нравственные ценности, выявленные нами в чувашских сказках: любовь к родине, уважение к старшим, трудолюбие, верность долгу, целомудрие, честность и правдивость, - полностью соответствуют национально-нравственному идеалу чуваш, сформировавшемуся под влиянием своеобразных исторических условий жизни. Он включает основные нравственные заповеди, постулирует образец совершенства человеческих отношений. Руководствуясь принципами исторического подхода, И.Я.Яковлев систематизировал духовно-нравственный опыт чуваш и составил свое "Духовное завещание чувашскому народу"[3]. Непреходящие нравственные ценности рассматривались И.Я.Яковлевым, по справедливой оценке ученого-педагога Т.Н.Петровой, "как высшие ценности, общечеловеческие сокровища, общие, но с национально-этнической фактурой. Через них ученики его школы знакомились с прошлыми эпохами и накоплениями, с исторической культурой своего и других народов"[4]. Согласно народным представлениям и "Духовному завещанию чувашскому народу" И.Я.Яковлева, чуваш характеризуется такими специфическими чертами народного характера как дружелюбие, патриотизм, целомудрие, уступчивость, трудолюбие, честность и правдивость, скромность (çиче пил - "семь благословений", "семь благ", "семь добродетелей").

Анализ нравсгвенной тематики сказочных сюжетов показывает, в какой мере народная мудрость могла опережать теоретические исследования вопросов, касающихся нравственного аспекта совершаемых людьми в обществе поступков. Поражает богатство этой тематики и разнообразие ситуаций, в которых проявляются нравственные качества личности. В сказках нет общих рассуждений об этих качествах личности, а есть вполне конкретные ситуации, с учетом которых герои совершают нравственные деяния.

Народная мудрость в области нравственности имеет глубокие исторические и биологические корни. Она не могла возникнуть на пустом месте, внезапно. Существует принцип преемственности.

Согласно теории К.Г.Юнга, в поведении человека роль решающего фактора играет коллективное бессознательное с его архетипами.

Изучая бессознательные компоненты человеческого поведения, К.Г.Юнг обнаружил в его структурах обобщенные "схемы" поведения, закрепленные в психике исторически, передаваемые по наследству из поколения в поколение. Они содержатся в скрытой для самой личности программе поведения и оказывают неявное влияние на мотивацию. "Архетипы – это символические формулы, которые начинают действовать всякий раз, когда не имеется сознательных идей или же когда таковые подавляются по внутренним или внешним причинам"[5]. Архетипы действуют в человеке "инстинктивно". Это некие древние устойчивые психические конструкции, идущие из глубин нашего подсознания, из его архаических пластов. Предполагается, что они передаются генетически, врожденны человеку и символизируют древнейший пласт коллективного опыта человечества, образа жизни, освобожденного от конкретности программ поведения. Таковы, кстати сказать, по К.Г.Юнгу, архетипы, связанные с различными видениями: в старину – ангелов, Божьей Матери, а в наше время – инопланетян, НЛО, существ из параллельных миров. Все они в том или ином виде вошли в народный фольклор: сказки, космогонические легенды, мифы, присутствуют в литературе всех времен и народов, типичны для мышления человека, к какой бы эпохе и к какому бы этносу он ни принадлежал.

Конечно же, К.Г.Юнг преувеличил роль своей любимой теории. Можно согласиться с тезисом К.Г.Юнга о том, что существует некая генетическая предрасположенность человека к осуществлению стереотипных программ мышления и поведения. Но нельзя согласиться с ним в том, что такая предрасположенность определяет конкретный поступок. Ибо такой поступок, в конечном счете, определяется вмешательством целого комплекса социальных факторов.

Поведение человека содержит коллективное бессознательное, но не сводится только к нему. Определяющим фактором нравственного выбора являются определенные прижизненно складывающиеся социальные отношения и последующее осознание их нравственной ценности. На процесс нравственного выбора оказывают влияние как субъективные, так и объективные факторы, которые взаимосвязаны между собой и каждый приобретает смысл только в особой связи с другими.

Немаловажную роль играет в этом процессе нравственная позиция, выражающая объективное социальное положение, которое занимает данный субъект, общность его интересов с кол-

лективным интересом определенной социальной группы. Она должна быть типичной и фиксируемой в повторяющихся ситуациях по частоте проявления тех или иных черт поведения.

С другой стороны, нравственная позиция выражает моральную ориентацию личности, субъективную нравственную активность. Можно сказать, что нравственная ориентация и соответствующий выбор как раз и составляют нравственную позицию личности. Практически же она означает осознанный выбор индивидом определенных ценностей.

Моральные ценности представляют собой своего рода характеристику практической деятельности личности, содержанием которой всегда является отношение человека к другим людям, к самому себе и обществу. Они регулируют поступки и поведение людей во всех сферах практической деятельности, но не могут полностью определить их характер и решающим образом влиять на них. А могут лишь наметить схему поведения и играть роль интеллектуальных ценностных ориентиров, особенно в сложных жизненных коллизиях.

Роль сформировавшихся нравственных позиций личности велика. Человек получает не только общую моральную ориентированность в социальной действительности и готовность к выбору, к совершению тех или иных поступков, но и способность к избирательному восприятию социальных и моральных ценностей, способствующему оптимально разумному выбору всей линии поведения.

Как показывают наблюдения, в структуре нравственного сознания все элементы взаимосвязаны и получают смысл только в совокупности друг с другом. С точки зрения целостной структуры эта связь оказывается важнее, чем содержание того или иного элемента. Так, например, связаны нравственные ценности и нормы, запреты, принципы. В процессе выбора личность, отдавая предпочтение тем или иным ценностям, сверяет свое решение с общепринятыми нормами и запретами морали, которые выдвигаются на передний план в связи с той или иной конкретной ситуацией. Данное соотнесение с нормативностью начинает осознаваться, когда в этом возникает объективная или субъективная необходимость. В конфликтных ситуациях, когда требования одной нормы приходят в противоречие с другой, особенно ощущается их иерархия.

Освоение нравственных ценностей и норм невозможно вне рациональной деятельности сознания. Деятельность разума является необходимой стороной и условием превращения знания в практические убеждения, так как способность к соответствующему поведению должна быть подкреплена логической аргументацией. Находясь в ситуации выбора, личность представляет себе самой основания своего решения. При этом в процессе оценивания сталкиваются, как уже отмечалось, различные побуждения и мотивы. Если морально-должное расходится с внутренними влечениями, то в сознании неизбежно возникает вопрос относительно причин, по которым нужно отдать предпочтение одному перед другим.

Принятие морального решения в лучшем случае должно предваряться всесторонним анализом ситуации выбора, разбором всевозможных альтернатив и оценкой имеющихся вариантов решения. Однако принятие решения должно опираться не только на показания разума и рассудка. Велика в этом процессе роль чувств, связанных с нравственным сознанием, - это, прежде всего переживания, способствующие реализации поступка. Они тем глубже, чем более интеллектуально развит человек.

В сказках, созданных народом, выражена его душа, мысли, надежды и стремления, его воззрения на окружающий мир и место человека в нем. Каким бы вымыслом ни казалась сказка, она содержит в себе глубокую истину – в ней нашли свое отражение реальные нравственные принципы народа, его эстетические идеалы.

---

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. - М., 1954. - Т. 5.- С. 660.

2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. - Т.10.- С. 29.

3. Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. - Чебоксары: Республика, 1997. - С. 599-602.

4. Петрова Т.Н. Общечеловеческое звучание "Духовного завещания" И.Я.Яковлева // Вестн. Чуваш. гос. пед. ин-та им. И.Я.Яковлева. Теория и история педагогики. - Чебоксары, 1998. - № 2 (3). - С. 209.

5. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. - СПб: Университетская книга, 1997. - С. 246.

Петрова Г.Д.

Народная мудрость в чувашском фольклоре

Постигать народную мудрость, познавать ее, учится у народа – эти аксиомы были, есть и будут актуальны всегда. Даже в наш просвещенный, динамичный, изобилующий грандиозными достижениями науки век они не утратили своей значимости. Почему? С чем это связано? Видимо, есть в народном сознании, народном мировоззрении очень важное ценностное содержание, сущностная наполненность, которые заставляют обращаться к этому, поистине не иссякаемому источнику, многие выдающиеся умы человечества. Наверное, существуют какие-то особые качества, сущностно-функциональные характеристики народной мудрости, знаний, мировоззрения, отличные от профессионального, научно-специализированного знания, позволяющие им продолжать развиваться и обогащаться на собственной основе, не подменяя и не дублируя науку, а выявляя собственные, только им присущие предпосылки функционирования.

Народная мудрость, как одна из сердцевинных составляющих фольклора, является не только древнейшей формой духовно-практического освоения мира, сокровищницей национальных и общечеловеческих ценностей, выработанных народом на протяжении многих веков, но это и современный продукт общественной жизнедеятельности народных масс, особый феномен общественного сознания, обладающий в известном смысле самостоятельной, имманентной логикой, гносеологией и этикой.

Возникая и функционируя в общественном сознании, народная мудрость непосредственно включена в сферу повседневных потребностей и интересов людей в процессе их реальной жизнедеятельности. Она является квинтэссенцией повседневной деятельности людей и координатором человеческого поведения и общения. Для народной мудрости характерно стремление к преодолению эмпирии, и в этом смысле она выступает в качестве параллели научно-теоретического сознания.

Но в то же время было бы ошибочно утверждать, что народная мудрость по своей сути является выражением некой «рафинированно-чистой» сущности. Вся прелесть, глубина и богатство народной мудрости заключается в том, что посредством фикса-

ции многообразных явлений, она как бы "высвечивает", акцентирует сущностные моменты явлений.

Очень наглядно это проявляется в таком жанре фольклора как пословицы и поговорки. В них, с присущей только им образностью и эмоциональностью, вычленено из повседневного бытия то необходимое, существенное, основное, что позволяет народной мудрости раскрыть естество явления.

Среди многих направлений устного творчества чувашского народа издревле особое место занимали краткие по форме, но емкие по содержанию произведения малого эпического жанра – ваттисен самахёсем – "изречения старых", т.е. умудренных жизнью и опытом людей. По своей сути это обобщенные наблюдения, народные суждения, общественные поучения и назидания. Более узкими по смысловой нагрузке являются калараш (поговорки) - образные выражения, содержащие местное определение, сравнение или уподобление, чаще всего ироничного характера, но без широкого обобщения и дидактизма.

Одно из несомненных достоинств народной мудрости - лаконизм ее внешнего проявления, формы. Чувашские пословицы состоят, как правило, из одного-двух логически завершенных, нередко ритмизированных предложений, выражающих суждения, облеченные в форму метафорического уподобления, образного сравнения или контрастного сопоставления: "Из ничего чего-либо не бывает", "Посеявши прах, не соберешь жита", "Все мы смертны, а мир бессмертен" и т. д.

Обычно проявления народной мудрости в фольклоре сводятся к обыденному, утилитарному уровню, к бытовой стороне жизни. Но это не так. Много интересного и поучительного можно почерпнуть из народной мудрости в философском плане для критики различных идеалистических концепций, оспаривающих познаваемость мира и достоверность человеческих знаний.

Так, например, в сказке "Эсрель" повествуется о противостоянии человека и Эсреля (душегуба). Природная смекалка и разум позволили человеку выйти победителем в единоборстве с Эсрелем. Здесь на лицо поэтизация, возвышение человеческого разума и знаний над враждебным началом без помощи и вмешательства сверхъестественных сил.

Очень часто пословицы и поговорки содержат утверждение о ведущей роли практики в процессе познания окружающего мира, выделяя ее как критерий познания истины. Направляя свои усилия

на достижение успеха в жизни, работе, благополучия в семье, люди должны соотносить свои идеи, знания, поступки в соответствии с объективными закономерностями развития внешнего мира: "Глаза человека – и его путь, и его день", "Думай о будущем, но живи близко", "Знает не тот, кто кушает, знает тот, кто готовит".

Особая роль в народном сознании отводится природе и ее явлениям. Они предстают проявлениями объективной реальности, данной человеку в его ощущениях. В пословицах и поговорках последовательно проявляется мысль о том, что мир не создается из ничего и не уничтожается бесследно. Развитие и существование человеческого рода представляется как одно из проявлений непрерывно изменяющейся природы, составляющей часть вечного и несотворимого мира: "Мы все смертны, а мир бессмертен".

Пословицы и поговорки, как форма выражения народной мудрости, отразили многие стороны жизни и быта чувашского народа в прошлом и настоящем, его социальные, правовые, семейно-бытовые отношения, общественные, педагогические, философские и религиозные воззрения. Передаваясь из поколение в поколение, постоянно обновляясь и пополняясь новыми изречениями, афористичные формы народной мудрости неизменно были направлены на утверждение естественных прав человека, соблюдение социальной справедливости, укрепление нравственных устоев жизни и быта. Они являются своего рода неписаным кодексом, сводом правил поведения личности и общества, комплексом обязательных морально-этических норм, регламентирующих поведение человека.

Народная мудрость - это особая, неспециализированная форма обобщения человеческого опыта, которая обладает такими характерными чертами, как: универсальность, неизбежность, истинность суждений. Она не нуждается в дополнительных обоснованиях, поскольку они сформированы на основе многовекового опыта. Опыт, будучи одной из ведущих структур народной мудрости, позволяет ей выполнять, помимо уже отмеченных, и прогностическую функцию.

Важной особенностью народной мудрости является стремление к обобщению, как одному из способов постижения мира. Таким образом, народная мудрость послужила основой для формирования человеческого мировоззрения, а значит и мировоззрения чуваш.